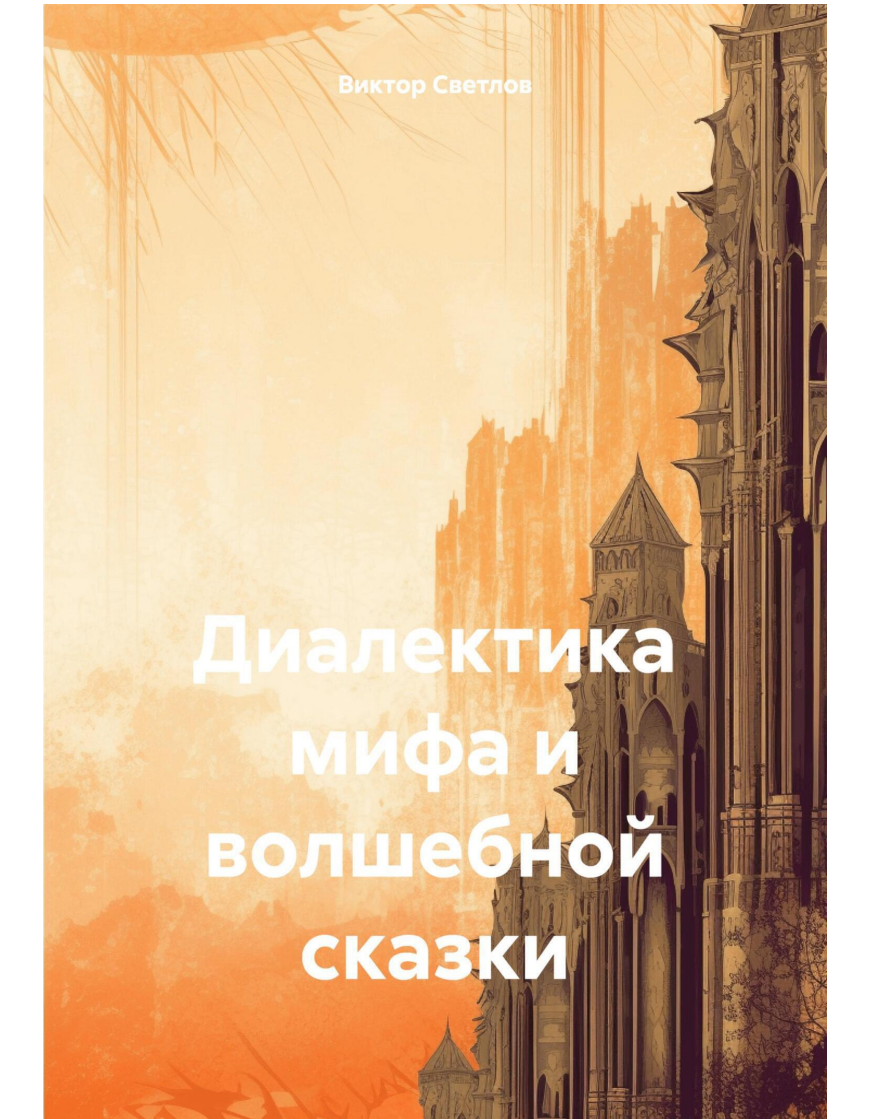

Виктор Светлов

Диалектика мифа и волшебной сказки

The background of the cover is a warm, orange-toned illustration. On the right side, there is a detailed, dark-colored Gothic-style architectural structure, possibly a church tower or spire, with intricate carvings and a pointed top. The rest of the background is a soft, painterly wash of orange and yellow tones, with some faint, sketchy lines suggesting a landscape or sky.

Виктор Светлов
Диалектика мифа и
волшебной сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70630498

SelfPub; 2024

Аннотация

Предлагается формула диалектического содержания мифа, волшебной сказки и художественного текста, обобщающая известные формулы В. Я. Проппа, К. Леви-Строса и А. П. Чехова

Содержание

Виктор Светлов

Диалектика мифа и волшебной сказки

Предисловие

Мифы, сказки, художественные произведения – самые благодатные материалы для диалектического анализа. Но очень сложно, если невозможно, найти сочинение, специально посвященное такому исследованию. Причин этого состояния две – отсутствие общепризнанной концепции диалектики, размытое понимание ее предмета, а также профессиональная специализация литературоведов, догматически разделивших всю область нарратива на разные жанры и не желающих переступать границы своей основной специализации. В настоящем пособии предлагается формула, позволяющая находить и анализировать диалектическое содержание нарратива любого жанра и любой степени сложности – от мифа до обычного художественного произведения. На множестве примеров объясняется ее использование. Предпочтение отдано мифам и волшебным сказкам, так как их объяснение вызывает у специалистов наибольшую концептуальную трудность.

1. Диалектическое противоречие как тождество

асимметричных противоположностей

Противоречие – вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить. Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук.

Согласно Г. Гегелю, необходимым и достаточным условием возникновения диалектического противоречия выступает отношение. Поскольку все существующее находится в разнообразных отношениях друг с другом, всякое существование диалектически потенциально и актуально противоречиво. Но что такое диалектическое противоречие? История вопроса показывает, что трудность ответа на этот вопрос состоит в поиске логически адекватной формализации отношения диалектического противоречия¹. Известный закон противоречия формальной логики запрещает контрадикторные противоречия в мышлении. Но диалектическое противоречие не контрадикторное противоречие.

Чтобы понять, что такое диалектическое противоречие, выберем такое бинарное асимметричное отношение, которое можно будет, с одной стороны, считать парадигмальным, а с другой стороны, известным и понятным для всех читателей данной книги. Этим двум требованиям удовлетворяет отношение «обучение». Оно бинарное, так как включает двух функционально различных субъектов – учителя и ученика, асимметричное, так как учитель по определению дол-

---

¹ Полный анализ этой темы см. в: *Светлов В. А. Диалектическое противоречие. Обретение рациональности. М.: Ленанд. 2021.*

жен знать больше ученика, и известно всем, кто учился в школе, колледже, университете, или где-либо еще каким-нибудь наукам, ремеслам и т.п. у профессиональных преподавателей.

Функции и мотивы субъектов данного отношения очень точно были раскрыты немецким философом И. Фихте в следующем отрывке из своего «Ясного, как солнце, сообщения широкой публике о подлинной сущности новейшей философии». «Каждый, кто идет в учебу, чтобы учиться какой-либо науке, – отмечает автор, – предполагает, что учитель знает об этом больше, чем он; иначе он не шел бы учиться; то же самое предполагает и учитель, в противном случае он не принял бы этого предложения. Но первый, конечно, не презирает себя из-за этого, ибо он надеется понять эту науку столь же хорошо, как и его учитель, и именно это и является его целью»².

Отношения «учитель» и «ученик» мы будем называть диалектическими противоположностями из-за противоположного характера функций (качеств) их субъектов – учитель только учит, так как знает больше ученика, ученик только учится, так как знает меньше своего учителя. Диалектическое противоречие возникает по той причине, что противоположности отношения «обучение», с одной стороны,

---

² Фихте Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателя к пониманию. М.: Юрайт, 2020. С. 67.

взаимно дополнительные и, следовательно, тождественны, а с другой, асимметричны (различны) в одно и то же время и в одном и том же смысле. Они взаимно дополнительные, так как не существует учителей без учеников и учеников без учителей. Оба качества могут возникнуть только одновременно в границах одного и того же отношения «обучение». Но эти же противоположности одновременно и асимметричны, потому что никто в одно и то же время и в одном и том же смысле не может быть и учителем и учеником. В каждый момент обучения один из его субъектов – только учитель, другой – только ученик. Возникает, как любят выражаться диалектики, тождество с различием или, что то же, различие в тождестве.

Назовем тождество противоположностей с различием комплементарностью. Если противоположности комплементарны, как «учитель» и «ученик» в отношении «обучение», значит, мы имеем дело с диалектическим противоречием.

Динамика развития любого диалектического противоречия – устранение асимметрии, т.е. различия, своих противоположностей. Если противоположности некоторой системы тождественны и одновременно различны, они могут изменяться только в одном направлении – от тождества с различием к тождеству без различия. Действительно, смысл обучения может состоять только в одном – последовательном уменьшении исходного познавательного неравенства учителя и ученика вплоть в идеальном случае до полного устра-

нения последнего. Только при этом условии обучение достигает своей цели. Представляя переход от тождества противоположностей с различием (учитель знает и умеет больше ученика) к тождеству без различия (ученик знает и умеет по крайней мере столько же, сколько и его учитель) обучение исчерпывает свое назначение и его продолжение теряет всякий смысл. Отметим, что завершение обучения в указанном смысле всегда приводит к инверсии качеств его субъектов: ученик превращается в учителя, так как достигает уровня знаний своего бывшего учителя, а последний превращается соответственно в учителя учителя(ей), или методиста в педагогической иерархии.

Следующий отрывок из повести братьев Вайнеров «Визит к Минотавру», в котором описывается драматическая сцена окончания учебы юного Антонио Страдивари у выдающегося мастера скрипок XVII века Никколо Амати, подтверждает указанную динамику и результаты инверсии качеств субъектов процесса обучения.

«Они с аппетитом поедали говядину со сливами, сыр, макароны, запивали прошлогодним джинцано, и Антонио, захмелевший от сытости, хорошего вина и счастья, объяснял мастеру, почему он догадался, что именно эуфорбия маршаллиана нужна для лака Амати. Никколо Амати поднял тяжелую голову, посмотрел на радостного Антонио и грустно сказал: – Люди никогда не занимались бы землепашеством, если бы столько же снимали в урожай, сколько засеяли... Ан-

тонио удивленно воззрился на учи-теля. – Добрый урожай – только плата за труд человека. Дело в том, что ни я, Никколо Амати, ни отец мой, ни дядя, ни дед Андреа никогда не использовали в своем лаке эуфорбия маршаллиана...

Страдивари начал стремительно бледнеть, а Никколо сказал торжественно и грустно:

– Сегодня самый счастливый день моей жизни. И самый грустный, потому что является он знамением моего конца. Ты ведь сварил вовсе не лак Амати...

Антонио так рванулся из-за стола, что деревянная резная скамейка упала на пол. Амати так же поспешно закончил:

– Это лак Страдивари. И он... лучше знаменитого лака Амати...

Антонио хрипло сказал:

– Учитель...

Амати перебил его:

– Не называй так больше меня, сынок. Ты больше не ученик. Ты мастер, и сей-час я счастлив, что спустя века люди будут вспоминать обо мне хотя бы потому, что я смог многому научить тебя. Ты сделал гораздо больше, чем я» .

К цитированному отрывку есть смысл добавить, что Амати, объявляя о конце обучения Антонио, грустит понапрасну. Успех юного Страдивари в изготовлении скрипок, означает для него и собственный прогресс – из учителя учеников он превратился в учителя учителей.

Интуиции двух мастеров детективного жанра оказалось

достаточно, чтобы в небольшом отрывке сформулировать недоступное до сих пор целой армии профессиональных философов и логиков главное условие разрешения диалектического противоречия – превращение его противоположностей из асимметричных отношений в симметричные.

2. Дискуссии о структуре мифа и волшебной сказки

Все волшебные сказки однотипны по своему строению. В. Я. Пропп. Морфология сказки.

Приходится признать, что изучение мифов приводит нас к противоречивым заключениям. В мифе все может быть; кажется, что последовательность событий в нем не подчиняется правилам логики и нарушает законы причинности. Любой субъект может иметь здесь любой предикат, любые мыслимые связи возможны, и при этой кажущейся произвольности одни и те же мифы с теми же отличительными чертами и зачастую с теми же подробностями встречаются во многих областях земного шара. Встает вопрос: если содержание мифов абсолютно случайно, как объяснить их сходство в разных местах Земли? К. Леви-Строс. Структура мифов.

Если вы говорите в первой главе, что на стене висит ружье, во второй или третьей главе оно должно непременно выстрелить. А. П. Чехов. Из воспоминаний С.Н. Щукина об А. П. Чехове

Неутихающие дискуссии специалистов по фольклору,

мифологии, культуре, антропологии, истории, философии, психологии, лингвистике о том, что такое миф и сказка, обладают ли они устойчивой структурой а если да, то какой именно, породили множество разнообразных толкований, оставляющих у читателя двойственное впечатление. С одной стороны, подавляющая часть авторов дружно признает, что мифы и сказки имеют определенную структуру и тем самым косвенно также и определенную логику³, но с другой стороны, эти же авторы единодушно указывают на абсолютную алогичность данного жанра⁴. Осознавая амбивалентность подобного мнения, аналитики мифов обычно резко противопоставляют то, что они понимают под логикой мифа и сказки, логике здравого смысла (логике Аристоте-

---

³ «Замечу только, что все имеет свою структуру: и атом, и течение, и вихрь, и мышление.... Структуру имеет и миф». *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М.: Наука. 1987. С. 8.

⁴ «С высоты научного знания мы и не задумываемся над существом мифологического образа и над “логикой чудесного мира этих образов”. Ведь это мир фантазии! А фантазии доступно все – любой калейдоскоп нелепостей. Познание же требует законов. Но какие законы могут быть в алогическом мире чудесного! Однако чудесный мир мифа стоит в прямом противоречии с положениями формальной, аристотелевой логики – с ее “можно” и “нельзя”, или “истинно” и “ложно”... Формальная логика не любит переживать конфуз». *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М.: Наука. 1987. С. 10. «Миф в его образной системности, обнажает главную черту системы первобытного мышления – ее антикаузальность. По композиции каждый миф есть система представлений с антикаузальной конструкцией. В такой системе нет причинно-следственного построения». *Фрейдберг О. М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН. 1998. С.57.

ля). Показательна в этом смысле позиция Я. Э. Голосовкера. «Мифологический сюжет, – отмечает этот автор, – независимо от того, имеем ли мы дело с эпической или драматической традицией, и есть воображаемая, имагинативная действительность, выражающая смысл всего существующего с его чаяниями, страстями, мыслями, вещами и процессами при латентности его целей. ... Но система отношений и связей в этой воображаемой, имагинативной действительности иная, чем в действительности, к которой прилажен наш здравый смысл, Логика здравого смысла сохраняет свою видимость, но не отвечает логике имагинативного мира, которая опровергая первую, то есть логику здравого смысла, кажется нам, с ее точки зрения, алогизмом (но только кажется таковым)»⁵. Поясняя свою мысль в сноске, он еще раз подчеркивает: «Имагинативный мир мифологии имеет свое бытие: это так называемое “якобы бытие”, обладающее своеобразной логикой, которая для действительного бытия будет алогичной. Поэтому логику “якобы бытия” правильно назвать “алогической логикой” или еще лучше – “логикой алогизма”»⁶. Таким образом, логика мифа, т.е. логика «якобы бытия», – это логика воображения, чудесного, фантастического. Но, как известно, воображение, т.е. способность человека создавать и преобразовывать смыслы и образы явлений, событий, объектов, которых на самом деле нет, двойственно по

---

⁵ Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука. 1987. С. 18.

⁶ Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука. 1987. С. 18. Сноска *.

своей природе: оно представляет либо бегство (защиту) от реальности, либо попытку ее творческого преобразования. В любом случае воображение должно так или иначе соотноситься с реальностью и без связи с ней теряет все свои родовые функции. Поэтому существование радикально противостоящей реальности алогической способности под названием «воображение» весьма проблематично с научной точки зрения. Скорее следует говорить о неразделимой паре противоположностей «реальность/воображение».

Может быть единственный, кто резко выступил против редукции логики мифов исключительно к логике воображаемого и чудесного, был К. Леви-Строс. Характеризуя господствующую в этнологии в первой половине XX столетия феноменологическую тенденцию сводить все умственные процессы к «смутным и непередаваемым чувствам», он отмечает: «От создавшегося в этнологии верований положения больше всех других ее разделов пострадала мифология... Как и пятьдесят лет назад, эта наука находится в беспорядочном состоянии. Пытаются обновить старые интерпретации: представления об общественном сознании, обожествление исторических персонажей (или обратный процесс). С какой бы точки зрения мифы ни рассматривались, их всегда сводят к беспочвенной игре воображения, или к примитивной форме философских спекуляций. Чтобы понять, что есть миф, нам остается выбирать только между тривиально-

стью и софизмом»⁷.

Реальной антитезой тривиальности и софизму в анализе мифов, считает К. Леви-Строс, может быть только структурный анализ⁸. Никакой другой вид анализа не способен адекватно выразить взаимозависимость всех существенных характеристик мифов, а также тот общий закон, которому они подчиняются. Ведь мифы – это и совокупность всех своих вариантов⁹; и внутриязыковые и внеязыковые феномены¹⁰; и истории, чьи объяснения в равной мере распространяется на прошлое, настоящее и будущее (т.е. имеют синхронно-диахронную структуру)¹¹; и нарративы, основной

---

⁷ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 184.

⁸ Цель структурного анализа, где бы он ни проводился, заключается в выявлении структуры изучаемого объекта. Под структурой обычно понимается внутренний закон, обеспечивающий устойчивое единство элементов исследуемого объекта. По этой причине структурный аналитик решает, как правило, две основные задачи. Во-первых, он определяет элементы, из комбинации которых состоит изучаемый объект. Во-вторых, формулирует закон связи этих элементов, гарантирующий их устойчивое взаимодействие.

⁹ «Таким образом, наш метод избавляет нас от поисков первоначального или подлинного варианта, что служило до сих пор одной из основных трудностей при изучении мифологии. Мы, напротив, предлагаем определять миф как совокупность всех его вариантов». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 195.

¹⁰ «Чтобы понять специфический характер мифологического мышления, мы должны признать, что миф есть одновременно и внутриязыковое и внеязыковое явление». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 186.

¹¹ «Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 186.

смысл которых определяется исключительно способом сочетания своих базисных структурных единиц (оппозиций, мифологем)¹² и по уровню всегда выше смысла тех языковых средств, с помощью которых они выражаются¹³. Кроме того, все мифы принципиально противоречивы¹⁴ и все они разрешаются по одному и тому же сценарию – посредством медиации базисных оппозиций, т.е. такой перестановки местами героев и их функций, которая символизирует разрешение связывающего их противоречия.

Пусть F_x обозначает негативную функцию (роль), F_y – позитивную функцию, a и b – героев мифа. Согласно К. Леви-Стросу, содержание мифа распадается на две взаимосвязанные ситуации – начальную и конечную. В начальной ситуации один герой выполняет негативную функцию и ста-

---

¹² «Эти замечания (относительно единства синхронии и диахронии в развитии сюжета мифа. – В.С.) приводят к новой гипотезе, которая касается самой сути проблемы. Предположим, что настоящие составляющие единицы мифа представляют собой не отдельные отношения, а пучки отношений и что только в результате комбинаций таких пучков составляющие единицы приобретают функциональную значимость». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 188.

¹³ «Дело в том, что сущность мифа составляют не стиль, не форма повествования, не синтаксис, а рассказанная в нем *история*. Миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если можно так выразиться, *отделиться* от языковой основы, на которой он сложился». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 187.

¹⁴ «...миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 201.

новится вредителем, другой герой выполняет позитивную функцию и превращается в жертву. Таким образом, начальная ситуация фиксирует отношение нанесения ущерба одним героем другому, что записывается как $Fx(a) : Fy(b)$. Формализация читается: герой a наносит ущерб герою b и превращает последнего в свою жертву. В конечной ситуации происходит инверсия функций и перестановка местами героев таким образом, что тот, кто был жертвой в начальной ситуации, превращается во вредителя, а тот, кто был вредителем, сам становится жертвой. Таким образом, конечная ситуация также воспроизводит отношение нанесения ущерба, но уже с учетом указанных инверсий и перестановок. Конечная ситуация формализуется следующим образом: $Fx(b) : Fa^1(y)$. Она читается: герой b наносит ответный ущерб герою a таким образом, что негативный герой a «уничтожается» в прямом или переносном смысле, а нанесенный им ущерб ликвидируется или восполняется с некоторой прибылью для b . Об этом свидетельствует тот факт, что в конечной ситуации позитивная функция y становится субъектом мифа и выполняет функцию уничтожителя героя-вредителя a .

Разрешение противоречия, лежащего в основе мифа, создает приблизительное равенство начальной ситуации (негативный герой наносит вред положительному) и конечной ситуации (вредительство ликвидируется, негативный герой наказывается, положительный герой награждается), которое и образует, согласно К. Леви-Стросу, каноническую структуру

мифа (1)¹⁵:

$$Fx(a) : Fy(b) \cong Fx(b) : Fa^1(y). \quad (1)$$

Формула (1) читается так: ущерб, наносимый негативным героем мифа, нейтрализуется приблизительно таким же ущербом, наносимым в конце мифа позитивным героем негативному.

По предположению К. Леви-Строса, порождаемая формулой (1) система преобразований функций выполняет законы алгебраической теории групп четырех Клейна. Из этого, по его мнению, следуют два вывода. Во-первых, каждая функция, входящая в (1), необходима, а вместе они достаточны для порождения любого мифологического текста. Во-вторых, мышление первобытного человека столь же логично, как и мышление современного человека.

С мнением К. Леви-Строса о тесной связи его формулы с теорией групп расходится мнение некоторых математиков, пытавшихся прояснить ее смысл. «К сожалению, эта формула (структуры мифа К. Леви-Строса. – В. С.) никогда не объяснялась. По всей видимости, вместо того чтобы понимать ее буквально, нам следует признать эту формулу, лишь ассоциативно связанной с определенными математическими понятиями (теории групп. – В. С.), но не эквивалентной ни одному из них. Без точного определения эта формула остается средством риторики, но не анализа»¹⁶.

---

¹⁵ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 205.

¹⁶ *Harary F., Hage P.* Structural Models in Anthropology. Cambridge, 1983. P. 131.

Определенные основания для такой оценки имеются: не все функции, входящие в формулу (1), как предполагал К. Леви-Строс, являются на самом деле необходимыми с теоретико-групповой точки зрения. Результат разрешения мифа, т. е. $Fa^{-1}(y)$, такой функцией не является. По этой причине связь формулы (1) с теорией групп четырех Клейна действительно является ассоциативной. Но к чести К. Леви-Строса следует отнести, что он и не утверждал, что его формула мифа математически совершенна. Наоборот, он был уверен, что она из-за ограниченности доступного материала и несовершенства методов анализа имеет прежде всего эвристический характер и допускал внесение в нее в будущем необходимых уточнений¹⁷.

Канадские антропологи-супруги П. Маранда и Кён-гас-Маранда были единственными исследователями, которые попытались не только прояснить формулу мифа К. Леви-Строса, назвав свою интерпретацию «причинно-следственной формулой», но и применить ее различные варианты к практическому анализу мифов, легенд, песен, пре-

---

¹⁷ «При современном состоянии исследований придется довольствоваться весьма приближенными формулировками. Каковы бы ни были уточнения и изменения, которые будут внесены последующими работами в нижеприведенную формулу (т.е. формулу (1). – В.С.), мы имеем право уже сейчас считать доказанным, что любой миф (рассматриваемый как совокупность его вариантов) может быть представлен в виде канонического отношения (между начальной и конечной ситуациями мифа, символизируемыми формулой (1). – В.С.)». *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 205.

даний, небольших поучительных новелл¹⁸. Они отказались от точки зрения К. Леви-Строса на миф как совокупность всех возможных вариантов и сосредоточились на объяснении различных типов медиации между начальной и конечной ситуациями нарратива. Их основная гипотеза состоит в следующем: формула мифа должна опираться на предположение о том, что в «человеческих культурах действует аксиома равновесия; поэтому постулируется “равновесие усилий”, и возрастание усилия в одной из частей уравнения должно быть компенсировано (его ослаблением в другой части уравнения. – В.С.). Усилие измеряется в терминах политической, магической, экономической, эмоциональной и других сил, а в нашей формальной записи оно выражается с помощью знаков больше ($>$) и меньше ($<$)»¹⁹.

Пусть QA обозначает исходные действия одного из героев, нарушающие каким-либо образом сложившееся равновесие и порождающие конфликт, QR – результаты этих действий на положение (состояние) другого героя, FS – ответные действия пострадавшего героя (или связанных с ним родственников, помощников и т.д.), FR – окончательный результат разрешения конфликта мифа, знаки $:$ и $::$ – два коррелятивных каузальных ряда. Модифицированная формула ми-

---

¹⁸ Маранда П., Кёнгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Наука, 1985. С. 194-260.

¹⁹ Маранда П., Кёнгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Наука, 1985. С. 204-205.

фа читается так: если исходные действия первого героя порождают определенные изменения в положении (состоянии) второго героя, то ответные действия второго героя приводят к окончательному (положительному или отрицательно-му) разрешению конфликта мифа (2)²⁰:

$$QA : QR :: FS : FR. \quad (2)$$

Согласно формуле (2) первая часть $QA : QR$ символизирует возникновение конфликта, т.е. нарушение одним из героев равновесия сил, вторая часть $FS : FR$ – восстановление пострадавшим героем прежнего баланса сил и разрешение конфликта с положительным или отрицательным для себя исходом.

Сравнение формул (1) и (2) убеждает в их полной идентичности. Действительно, если отбросить терминологические различия, то обе формулы символизируют начало мифа как противостояние героев с противоположными функциями, причем один из героев, ставший жертвой в первой части мифа, во второй части мифа меняет положительную функцию на отрицательную (выполняет роль медиатора в леви-стросовском смысле), т.е. «уничтожает» своего обидчика и восстанавливает нарушенное равновесие сил.

Значительно раньше К. Леви-Строса аналогичную работу по структурному анализу волшебных сказок и открытию общего закона, которому подчиняются их сюжеты, проделал В.

---

²⁰ Формула мифа П. Маранды и Кёнгас-Маранды приведена нами в редакции, которую мы считаем более точной.

Я Пропп²¹. Его «Морфология волшебной сказки», впервые изданная на русском языке в 1928 году и переведенная на английский язык через тридцать лет, стала одним из самых цитируемых в отечественных и зарубежных исследованиях по фольклористике и мифологии источников²².

В. Я. Пропп считает волшебные сказки производным материалом от первобытных нарративов, включая мифы, и, следуя марксистской традиции, от социальных институтов родового строя (брака, охоты, земледелия)²³. Мнение В. Я. Проппа о том, что сказки происходят из «досказочных образований» ментального и социального порядка, свидетельствует о его существенном расхождении с К. Леви-Стросом в данном вопросе, полагавшим, что не существует никакого первоначального варианта мифа, ибо последний тождественен всем своим вариантам одновременно.

Методы анализа обоих авторов тем не менее тождественны. В. Я. Пропп задолго до своих западных коллег провел принципиальное различие между постоянными и перемен-

---

²¹ *Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998.*

²² *Morphology of Folktale by V. Propp. University Texas Press. Austin. 1958 (First Edition), 1968 (Second Revised Edition).*

²³ «Из всего сказанного явствует, что обряды, мифы, формы первобытного мышления и некоторые социальные институты я считаю досказочными образованиями, считаю возможным объяснить сказку через них». *Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 130.*

ными величинами сказочного сюжета. Например, ущерб, наносимый антагонистом герою сказки или нарушение героем какого-либо запрета, с описания которого начинается почти каждая сказка, образует постоянную величину. Конкретные виды этого ущерба, способы его нанесения, виды запретов и их инициаторы, определяющие своеобразие каждой сказки, представляют переменные величины. Иными словами, к постоянным величинам относятся функции героев (действия, значимые для развития сказки), к переменным – имена героев и обстоятельства их действий. «В приведенных случаях (рассмотренных примерах начала сказок), – отмечает В. Я. Пропп, – имеются величины постоянные и переменные. Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия, или *функции*. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц»²⁴.

Основное предназначение морфологического метода анализа сказок В. Я. Пропп видит в открытии с его помощью такого множества базисных функций, которое можно было бы назвать инвариантным, т.е. выполняемым без исключения, для любого вида сказки²⁵. Как только подобный набор

---

²⁴ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 19.

²⁵ «Однако, прежде, чем перейти к разработке, следует решить вопрос, на каком материале может быть произведена эта разработка. На первый взгляд кажется, что необходимо привлечь весь существующий материал. На самом деле в

функций устанавливается и на контрольном материале доказывается, что никакая новая сказка не увеличивает число базисных функций, тогда можно делать однозначный вывод о существовании формулы, символизирующей морфологическое строение всех волшебных сказок²⁶.

Продлав необходимую работу над ста сказками из сборника А. Н. Афанасьева²⁷, В. Я. Пропп выделил в качестве основных элементов волшебной сказки тридцать одну базисную функцию – последовательность действий, независящая от того, кем и когда они выполняются, является ли их субъект положительным или отрицательным, главным или вспомогательным героем²⁸ (табл. 1).

Таблица 1

этом нет необходимости. Так как мы изучаем сказки по функциям действующих лиц, то привлечение материала может быть приостановлено в тот момент, когда обнаруживается, что новые сказки не дают никаких новых функций». *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 22.

²⁶ «Приведение примеров должно лишь иллюстрировать и показать наличие функции, как некоторой родовой единицы. Как уже упомянуто, все функции укладываются в один последовательный рассказ. Данный ниже ряд функций представляет собой морфологическую основу волшебных сказок вообще». *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 23.

²⁷ *Афанасьев А. Н.* Русские народные сказки. М.: В типографии Грачева и комп. 1860-1863.

²⁸ *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 24-49.

Базисные функции сказки

1. Отлучка одного из членов семьи
2. Запрет, накладываемый на героя (предвестник беды)
3. Нарушение запрета (появление вредителя)
4. Разведка антагониста (выведывание)
5. Антагонист добывает сведения о своей жертве
6. Антагонист обманывает жертву
7. Жертва поддается обману и невольно помогает врагу
8. Антагонист наносит вред или ущерб одному из членов семьи (A)
9. Героя просят о противодействии (B)
10. Герой соглашается на противодействие (C)
11. Герой покидает дом (Out)
12. Герой подвергается испытаниям (для получения волшебного средства или помощника) (D)
13. Результат испытания героя (положительный или отрицательный) (Г)
14. Герой получает волшебное средство (Z)
15. Герой доставляется к месту нахождения предмета поиска (R)
16. Герой и антагонист вступают в борьбу друг с другом (B)
17. Герой награждается свидетельствами своей борьбы с антагонистом (K)
18. Антагонист побеждается (П)
19. Начальная беда или недостача ликвидируется (Л)
20. Герой возвращается (In)

21. Героя подвергается преследованию (*Пр*)
22. Герой спасается от преследования (*Cn*)
23. Герой неузнанным прибывает домой или в другую страну (*X*)
24. Ложный герой предьявляет необоснованные притязания (*Φ*)
25. Герою предлагается трудная задача (*З*)
26. Задача решается (*P*)
27. Героя узнают (*У*)
28. Ложный герой или антагонист изобличается (*O*)
29. Герой получает новый облик (*T*)
30. Враг наказывается (*H*)
31. Герой вступает в брак и воцаряется (*C**)

Функции с первой по седьмую являются подготовительными, не имеют самостоятельного значения и обозначения. Действительное развитие сказки начинается с восьмой функции, т.е. с нанесения ущерба или причинения вреда герою. Во многих сказках подготовительная часть действий отсутствует и они сразу же начинаются с описания вредных действий антагониста.

Проанализировав несколько вариантов устойчивой последовательности функций, В. Я. Пропп признал окончательной формулой волшебной сказки следующую комбинацию действий²⁹ (для расшифровки обозначений, входящих в форму-

---

²⁹ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной

лу (З), см. табл. 1):

ABCOutДГZR(Б/ЗКП/Р)ЛInПр—CnXΦУOТHC* (3)

Символы, записанные в виде дроби в формуле (3), обозначают взаимозаменяемые функции: Б (беда) в одной сказке может присутствовать в виде трудной задачи (З) и наоборот. Аналогично для функций победы над антагонистом (П) и решением трудной задачи (Р).

Разъясняя значение своей формулы волшебной сказки, В. Я. Пропп отметит: «Под этой схемой (формулой (3)). – В. С.) могут быть подписаны все сказки нашего материала... Какие же выводы дает эта схема? Во-первых, она подтверждает наш общий тезис о полном единообразии строения волшебных сказок. Отдельные мелкие колебания или отступления не нарушают устойчивую картину этой закономерности»³⁰.

Однако не все так однозначно с формулой сказки В. Я. Проппа. Морфологический анализ имеет существенные методологические и логические ограничения. Он может помочь в открытии более или менее устойчивой последовательности функций для некоторого числа сказок, но он в принципе не способен идентифицировать закон этой последовательности. Такие открытия просто не входят в компе-

---

сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 80.

³⁰ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 81.

тенции морфологического анализа из-за резкого противопоставления формы и содержания анализа. Только форма признается предметом анализа, а содержание – ее случайным и на этом основании игнорируемым содержанием. К. Леви-Строс совершенно справедливо указал на данный методологический недостаток работы В. Я. Проппа³¹. С точки зрения структурного аналитика форма и содержание одинаково важны для открытия закона мифа и сказки. Изменчивость содержания нарратива не случайна и подчиняется лежащей в его основе определенной структурной инвариантности. Отделив форму от содержания, В. Я. Пропп выполнил лишь предварительную часть работы – свел многообразие сюжетов отобранных им сказок из сборника А. Н. Афанасьева к формуле, которая является абстрактной схемой сле-

---

³¹ «За исключением некоторых пассажей – провидческих, но несколько робких и нерешительных... Пропп разделяет фольклор на две части: форму, являющуюся основным аспектом, поскольку она поддается морфологическому анализу, и случайное содержание, которому на этом основании он придает лишь побочное значение. Мы позволим себе настаивать на этом пункте, сосредоточившем всю разницу между формализмом и структурализмом. Для первого эти две области полностью разъединены, поскольку форма доступна восприятию, а содержание лишь выпадает в осадок, лишенный значимой силы. Для структурализма этого противопоставления не существует: нет только абстрактного и только конкретного. Форма и содержание имеют ту же природу и одинаково поддаются анализу. Содержание черпает реальность из структуры, а то, что называют формой, является «помещением в структуру» локальных структур, из которых состоит содержание». К. Леви-Строс. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа). Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Сборник статей. М.: Наука. 1985. С. 22-23.

дования одной функции за другой. Но эту формулу никоим образом нельзя считать законом полученной зависимости. Полученная формула сказки отражает внешний план развития сказки³². недостаточно устойчива и кроме того никак не объясняет свои исключения и колебания. В. Я. Пропп сам признает, что некоторые функции из его формулы могут отсутствовать при изменении содержания сказки (например, функции с первой по седьмую), некоторые функции находятся в отношении подчинения (например, функции «победа» и «решение») и т.д. Поэтому К. Леви-Строс прав, ссылаясь на схематизм морфологического анализа как основную причину, по которой В. Я. Пропп не смог проделать обратный путь – от закона сказки к объяснению и предсказанию фактического многообразия сказочных сюжетов³².

---

³² «Почему же Пропп удовлетворяется этой плохо прилаженной выкройкой? По очень простой причине, которая объясняет другую слабость формалистской позиции. Как только в форму тайком вводится содержание, она обрекается на то, чтобы остаться на таком уровне абстракции, где она больше ничего не означает и к тому же не имеет эвристической силы. *Формализм уничтожает собственный объект.* У Проппа он замыкается на том открытии, что в действительности существует только одна сказка. С этого момента проблема объяснения лишь ставится. Мы знаем, что такое *сказка*, но, поскольку мы наблюдаем не одну архетипическую сказку, а множество отдельных сказок, мы уже не знаем, как их классифицировать. До формализма мы, несомненно, не знали, что общего имеют сказки. После него мы полностью лишились возможности понять, чем они различаются. Переход от конкретного к абстрактному был легок, а спуститься от абстрактного к конкретному уже невозможно». К. Леви-Строс. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа). Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Сборник статей. М.: Наука. 1985. С. 23-24.

К. Леви-Строс предполагает, что половинчатость достижений В. А. Проппа имеет также и логические основания – характерную для морфологического анализа структурную неопределенность и ограниченные возможности математической обработки своих результатов. Одного лишь выделения инвариантных функций героев сказки и расположения их в хронологической последовательности недостаточно для понимания, почему вариативность сказок ограничена некоторой общей структурой и почему эта структура не уничтожает их многообразие. Чтобы добиться такого понимания, должна быть построена алгебраическая группа трансформаций всех функций (их отрицания, обращения, отрицания обращения и обращения отрицания). Только тогда, когда будет доказано, что каждая функция сказки трансформируема в любую другую функцию одной и той же структуры, будет доказана полнота и взаимная зависимость всех выделенных функций. «Структура сказки, как ее выводит Пропп, предстает в виде хронологической последовательности качественно различных функций, каждая из которых образует независимый «род». Можно спросить себя – как в случае персонажей и их атрибутов, – не слишком ли он рано останавливает анализ, ища форму слишком близко от уровня непосредственного наблюдения. Многие из различаемых им тридцати одной функции представляются сводимыми или уподобляемыми *одной и той же* функции, появляющейся в *разные* моменты повествования и подвергнутой при этом

одной или несколькими *трансформациям*... Не исключено, что такое сведение может быть продолжено еще дальше и что каждый отдельно взятый ход разлагается на небольшое число повторяющихся функций таким образом, что многие выделенные Проппом функции реально образуют группу трансформаций одной и той же функции. Так, “нарушение” можно было бы трактовать как инверсию “запрета”, а “запрет” – как негативную трансформацию “приказа”. “Отлучка” героя и его “возвращение” будут одной и той же функцией дизъюнкции (разъединения. – В. С.), выраженной негативно или позитивно; “поиски” героя (он ищет что-то или кого-то) будут конверсией “преследования” (его преследует нечто или некто) и т. д.»³³.

3. Диалектическая формула мифа, волшебной сказки и художественного текста

Как было показано, формулы мифа К. Леви-Строса и П. Маранды и Кёнгас-Маранды тождественны. Они обе точно указывают на дисбаланс позиций и сил героев в начальной ситуации как причину развития мифа. Такой дисбаланс однозначно соответствует ситуации возникновения диалектического противоречия. Но эти исследователи вводят в свои формулы функции, которые не являются необходимыми с

---

³³ К. Леви-Строс. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа). Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Сборник статей. М.: Наука. 1985. С. 27.

математической точки зрения для формализации результатов его разрешения. Предложенная в первой главе концепция диалектического противоречия позволяет легко исправить данный недостаток. Не менее важно также то, что этот шаг позволяет объединить в одно целое исследования В. Я. Проппа, К. Леви-Строса и П. Маранды и Кёнгас-Маранды.

Формула волшебной сказки В. Я. Проппа была создана на морфологических основаниях и при всех своих достоинствах обладает недостатками, присущими формулам К. Леви-Строса и П. Маранды и Кёнгас-Маранды, – не все из входящих в нее функций являются необходимыми. Для исправления этого недостатка мы воспользуемся подсказкой самого В. Я. Проппа. Рассматривая вопрос о строении сказки в целом, он отмечает: «Морфологически, волшебной сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства (A) или недостачи (a) через промежуточные функции к свадьбе (C^*) или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение (Z), добыча или вообще ликвидация беды (L), спасение от погони (Cn) и т. д. Такое развитие названо нами *ходом*. Каждое новое нанесение вреда или ущерба, каждая новая недостача создает новый ход»³⁴. Удивительным образом в приведенном отрывке В. Я. Пропп недвусмысленно указывает на диалектический характер волшебной сказки. Отме-

---

³⁴ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) М.: Лабиринт. 1998. С. 70.

тим, что процитированное заключение существенным образом сближает позиции В. Я. Проппа, К. Леви-Строса и П. Маранды и Кёнгас-Маранды, придавая им характер устойчивого диалектического тренда в структурном анализе мифов и сказок.

Учитывая сказанное и игнорируя промежуточные функции как ненеобходимые и обобщая вредительство и недостачу в одну функцию, получаем следующее определение волшебной сказки, соответствующее подсказке В. Я. Проппа:

Морфологически, волшебная сказка – любой мифологический нарратив, основанный на ликвидации ее героем причиненного ущерба от вредительства. (4)

То, что В. Я. Пропп называет ходом и что представляет, по его мнению, элементарную композиционную единицу сказки, с точки зрения, развиваемой в данной книге, обозначает цикл «возникновение диалектического противоречия – разрешение диалектического противоречия». Действительно, вредительство порождает асимметричное отношение между героем и антагонистом и в его границах соответствующее диалектическое противоречие. Последнее создает импульс к развитию сказки, которая заканчивается уничтожением антагониста и нейтрализацией нанесенного ущерба как правило с прибылью для положительного героя и еще большим ущербом для антагониста.

Алгебраической структурой, связывающей все функции сказки в одно структурно-динамически целое, позволяющее

устанавливать все возможные симметрии между ними, является группа четырех Клейна. Эта группа объединяет в одной структуре все возможные инверсии субъектов бинарного асимметричного отношения (трансформации, перестановки), доказывая их необходимость и достаточность для объяснения движения системы от асимметричного состояния к симметричному. Именно эта группа позволяет после небольшой коррекции объединить формулы В. Я. Проппа, К. Леви-Строса, П. Маранды и Кёнгас-Маранды в одну, которую мы будем называть диалектической формулой мифа, сказки и художественного текста.

Пусть A обозначает антагониста (отрицательного героя), Γ – положительного героя сказки, $U(A, \Gamma)$ – отношение « A наносит ущерб Γ », $U^{-1}(\Gamma, A)$ – отношение « Γ жертва A », $U(\Gamma, A)$ – отношение « Γ наносит ущерб A », S – инверсию героев, Q – инверсию качеств героев, D – инверсию героев сказки и их качеств (диалектическое отрицание). Подставив эти обозначения в квадрат инверсий Q , S и D , получаем диалектическую интерпретацию основных функций мифа и волшебной сказки:

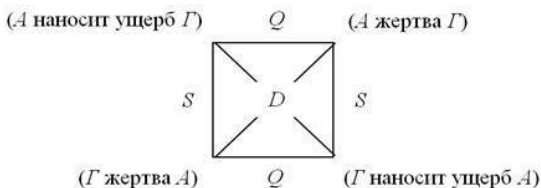

Рис. 1. Квадрат инверсий мифа и волшебной сказки

Напомним, $U(A, \Gamma)$ обозначает прямое отношение, $U^{-1}(\Gamma, A)$ – обратное отношение, S -инверсия – тождество противоположностей диалектического противоречия, Q -инверсия – их асимметрию, D -инверсия – диалектическое отрицание противоположностями $U(A, \Gamma)$ и $U(\Gamma, A)$ друг друга, необходимое для разрешения диалектического противоречия.

Результаты разрешения диалектического противоречия и тем самым итоги сказки вычисляются по формулам

$$(1) U(\Gamma, A) \otimes U(A, \Gamma) = U^2(\Gamma, \Gamma);$$

$$(2) U(A, \Gamma) \otimes U(\Gamma, A) = U^2(A, A),$$

которые читаются соответственно:

(1) Если положительный герой Γ становится жертвой антагониста A и A – жертвой Γ , то Γ – свой собственный осво-

бодитель.

(2) Если антагонист A наносит ущерб герою G , но G ликвидирует этот ущерб, то A становится жертвой своих собственных вредительских действий.

Результаты разрешения диалектического противоречия (1) и (2) комплементарны и достаточно указать на любой один из них. Действительно, если положительный герой благодаря предпринятым действиям освобождает себя, т.е. перестает быть жертвой антагониста, то с такой же необходимостью антагонист превращается в жертву действий положительного героя. Обратное утверждение также верно.

Квадраты функций $Y^2(A, A)$ и $Y^2(G, G)$ демонстрируют важную особенность итогов разрешения мифов и волшебных сказок – их рефлексивность, т.е. обратную направленность результатов разрешения диалектического противоречия на каждого из героев по правилам: «жертва, превратившая своего вредителя в собственную жертву, становится своим собственным освободителем» и «вредитель, порождающий своими действиями собственного врага, становится своим собственным вредителем». Обычно эти правила формулируются в начале или конце нарратива в виде его морали.

Как правило, положительный герой сказки не только восполняет нанесенный ему антагонистом ущерб, но и очень часто после физического или морального уничтожения антагониста приобретает дополнительные блага. Суммируя это замечание с вышеприведенными рассуждениями, получаем

диалектическую формулу мифа, волшебной сказки и, по нашему предположению, всех остальных видов нарратива:

$$U(A, \Gamma) : U^1(\Gamma, A) \quad U(\Gamma, A) : U^2(A, A). \quad (5)$$

Левая часть формулы (5) (до знака $:$) символизирует пропорцию противоположностей диалектического противоречия, определяющего структуру и динамику нарратива. Правая часть формулы также сформулирована в виде пропорции и символизирует необходимое условие и результат разрешения диалектического противоречия (отношения $U(\Gamma, A)$ и $U^2(A, A)$ соответственно). Знак (меньше или равно) указывает на то, что результат разрешения диалектического противоречия всегда как минимум компенсирует положительному герою нанесенный ему в начале мифа или сказки ущерб.

Диалектический характер формулы (5) станет более наглядным, если с помощью стрелок символизировать направление трансформации ее элементов – от возникновения диалектического противоречия (пропорция отношений $U(A, \Gamma)$ и $U^1(\Gamma, A)$) до его разрешения (пропорция отношений $U(\Gamma, A) : U^2(A, A)$). В этом случае становится более понятным утверждение, что формула (5) имеет вид раскручивающейся спирали (возрастания степени исходного отношения), один виток которой соответствует ровно одному циклу возникновения и разрешения диалектического противоречия (рис. 2).

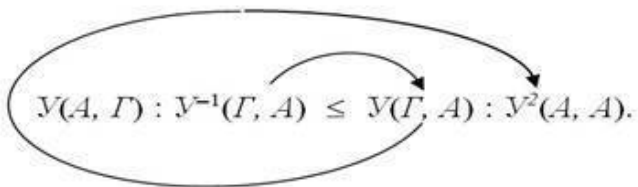

Рис. 2. Раскручивающаяся спираль решения диалектического противоречия мифа, сказки, или художественного произведения

Формула (5) читается следующим образом. Если антагонист A своими действиями нарушает начальное равновесие сил, то положительный герой Γ обратными действиями восстанавливает равновесие. При этом результат разрешения диалектического противоречия может быть двоякого рода. Во-первых, отношение $Y^2(A, A)$ может означать, что антагонист A наносит самому себе какой-либо (физический, моральный) ущерб или уничтожается в прямом смысле. Во-вторых, учитывая комплементарность формул $Y^2(A, A)$ и $Y^2(\Gamma, \Gamma)$, это же отношение может означать, что действия положительного героя Γ оказались успешными и принесли

ему определенный вид выгоды. Какой из данных результатов следует принять во внимание в первую очередь – зависит от содержания анализируемого нарратива.

4. Диалектический анализ мифов и волшебных сказок, басен и рассказов

Ниже приводится краткий и построенный по однотипному шаблону анализ диалектического содержания трех древнегреческих мифов, пяти сказок А. С. Пушкина, трех басен И. А. Крылова и одного рассказа А. П. Чехова. Это сделано с целью демонстрации широких объяснительных возможностей формулы (5). Обозначения героев, виды диалектического противоречия, ущерба и приобретенного блага, входящие в формулу (5), варьируются в зависимости от конкретного сюжета рассматриваемого нарратива. Сама формула остается во всех случаях его инвариантной частью.

Миф о царе Мидасе

Сюжет мифа. Мидас, царь Фригии, славился своим богатством. Однажды ему удалось напоить заблудившегося Силена – любимого демона плодородия бога Диониса и увести его в свой дворец. Силен рассказал Мидасу о существовании неведомой земли, населенной крупными животными и людьми–великанами. Эти люди построили много городов и жили в золотых домах с золотой мебелью. Мидас загорелся желанием жить в золотом доме. В награду за спасение Силе-

на Дионис обещал исполнить любое желание Мидаса. Долго не раздумывая, Мидас попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, становилось золотым. Недолгой была радость Мидаса, так как в золото превращались также пища и вода. Чтобы не умереть от голода и жажды, Мидас был вынужден просить Диониса забрать свой дар.

Анализ. Основу сюжета составляет возникновение и разрешение противоречия, свойственного стремлению к безраздельному господству. Поскольку золото является символом власти, то обладание им равносильно обладанию всем. Пока Мидас был обыкновенным царем, он господствовал над золотом. Ситуация изменилась на обратную, когда Дионис исполнил желание Мидаса. Теперь золото стало господствовать над Мидасом. Синтез этих двух отношений порождает главный результат мифа: Мидас становится жертвой своей неумеренной алчности и чуть не погибает от голода и жажды.

Пусть M обозначает Мидаса, Z – золото, $V(M, Z)$ – власть Мидаса над золотом, $P(Z, M)$ – подчинение золота Мидасу, $V(Z, M)$ – власть золота над Мидасом.

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $V(M, Z) : P(Z, M)$, конечная ситуация возникает тогда, когда Дионис выполняет просьбу Мидаса, т. е. когда отношение $P(Z, M)$ инвертируется в отношение $V(Z, M)$. Синтез обоих отношений порождает новое отношение $V^2(M, M)$, которое буквально означает, что Мидас становится жертвой

своего собственного стремления к абсолютной власти.

Диалектическая структура мифа имеет следующий вид:

$$B(M, Z) : P(Z, M) \quad B(Z, M) : B^2(M, M).$$

Полученная формула читается: ущерб, причиненный желанием Мидаса господствовать над золотом, значительно меньше ущерба, причиненного Мидасом в результате неумеренной жадности к золоту самому себе. В самом деле, до возникновения противоречия золото удовлетворяло потребности Мидаса как человека и как царя, а после его разрешения едва не стало причиной его гибели. Следовательно, если в начале мифа Мидас еще верит во всеисильность золота, то после его разрешения у него такой веры уже нет, хотя он обладал возможностью владеть золотом в неограниченном количестве. Иными словами, стремление к абсолютной власти всегда заканчивается для его субъекта если не физической гибелью, то моральным порабощением и соответствующим прозрением.

Миф о Тиресии

Сюжет мифа. Тиресий, сын нимфы Харикло, случайно увидел Афину обнаженной во время купания, что категорически запрещалось смертным. В наказание Афина вырвала Тиресию глаза. Будучи подругой Афины, мать Тиресия попросила у богини прощения за неумышленный поступок сына. Афина сжалилась над Тиресием и возместила потерю зрения способностью понимать волю богов, голоса птиц и

зверей, видеть грядущее. Так Тиресий стал одним из самых известных прорицателей.

Анализ. Основу сюжета составляет возникновение и разрешение противоречия, свойственного несправедливому наказанию. Проступок Тиресия был неумышленным. Поэтому понесенное им наказание оказалось чрезмерным. Просьба матери пробуждает у Афины чувство вины перед Тиресием за чересчур суровое наказание. Взаимная вина Тиресия и Афины друг перед другом освобождает их обоих от этого чувства и компенсирует первому потерю физического зрения (приблизив его к богам).

Пусть T обозначает Тиресия, A – Афины, $B(T, A)$ – вину Тиресия перед Афиной, $U(A, T)$ – ущерб, нанесенный Тиресием Афине, $B(A, T)$ – вину Афины перед Тиресием, $B^2(T, T)$ – освобождение Тиресия от чувства вины.

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $B(T, A) : U(A, T)$. Конечная ситуация возникает после разговора матери Тиресия с Афиной. Так как Афина соглашается удовлетворить просьбу матери, то отношение $U(A, T)$ инвертируется в отношение $B(A, T)$. Синтез отношений $B(T, A)$ и $B(A, T)$ порождает отношение $B^2(T, T)$, которое буквально означает, что вина Тиресия перед Афиной нейтрализуется виной Афины перед Тиресием.

Диалектическая структура мифа, следовательно, такова:

$$B(T, A) : U(A, T) \quad B(A, T) : B^2(T, T).$$

Полученная формула читается: нечаянная вина Тиресия перед Афиной компенсируется обратной виной Афины перед Тересием со значительной выгодой для него. В самом деле, в начале мифа Тиресий обладает обычным зрением, свойственным каждому человеку. Но человеческое зрение не помогло Тиресию избежать неприятного инцидента с Афиной. Зрение, которым наградила его Афина после просьбы матери, приравнивало его к богам.

Миф об Эдипе

Сюжет мифа. Фиванскому царю Лаю была предсказана Аполлоном смерть от руки собственного сына. Пытаясь избежать такого наказания, Лай приказывает своей жене Иокасте избавиться от новорожденного, предварительно проколов ему сухожилия у лодыжек. Однако мальчик остался жив и попал к бездетному царю Полибу, который назвал его Эдипом (букв. «с опухшими ногами»). Эдип случайно узнает, что он приемный сын и пытается узнать о своих настоящих родителях. Дельфийский оракул вместо ответа сообщает Эдипу, что тот должен убить своего отца и жениться на своей матери. В ужасе Эдип покидает приемных родителей, чтобы попытаться счастья на чужбине. Однако предсказание сбывается. В случайной ссоре Эдип убивает своего отца, не подозревая об этом. Освободив Фивы от Сфинкса, становится их царем и женится на своей матери, также не подозревая об этом. У них рождаются два сына и две дочери. Два-

дцать лет царствовал Эдип в Фивах, пока на город не обрушились различные несчастья. Дельфийский оракул называет причину несчастий – убийца Лая живет в Фивах. Эдип проводит расследование и устанавливает, что он – убийца. Иокаста, узнав, кто был ее мужем последние двадцать лет, кончает жизнь самоубийством. Эдип выкалывает себе глаза и через некоторое время покидает Фивы с любимой дочерью Антигоной в поисках лучшей доли. Сыновья Эдипа остаются в Фивах в надежде занять царский трон. Эдип проклинает сыновей и предрекает им гибель в междоусобной войне. Эдип также предвидит, что в будущей войне афинян с фиванцами победа окажется на той стороне, на чьей земле он найдет последнее прибежище. На земле Афин Эдип заканчивает свой жизненный путь. Оба его предсказания сбываются.

Анализ. Основу сюжета составляет возникновение и разрешение противоречия, свойственного способности человека предвидеть свою судьбу. Человеку только кажется, что он способен предвидеть свою судьбу и управлять ею. На самом деле его собственная судьба всегда скрыта от него. Эдип не смог, хотя и пытался, избежать ни одного из предсказанных ему роковых поступков – отцеубийства и женитьбы на матери. Только отказавшись от человеческой самонадеянности и его опоры – физического зрения, Эдип достигает высшей (божественной) способности познания – он понимает, что и почему с ним произошло, а также начинает предвидеть судь-

бы других людей.

Пусть $\mathcal{E}$ обозначает Эдипа, $\mathcal{C}$ – его судьбу, $СЛ(\mathcal{E}, \mathcal{C})$ – слепоту Эдипа в отношении к своей судьбе, $\mathcal{Z}(\mathcal{C}, \mathcal{E})$ – зрячесть судьбы в отношении Эдипа, $СЛ(\mathcal{C}, \mathcal{E})$ – слепоту судьбы в отношении Эдипа, $СЛ^2(\mathcal{E}, \mathcal{E})$ – прозрение (слепоту слепоты) Эдипа.

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $СЛ(\mathcal{E}, \mathcal{C}) : \mathcal{Z}(\mathcal{C}, \mathcal{E})$, говорящей о невозможности обмануть судьбу, с одной стороны, и слепоте человеческих усилий сделать это – с другой. Противоречие достигает апогея в тот момент, когда Эдип в ходе расследования узнает правду, и переходит в стадию разрешения, когда Эдип лишает себя зрения. Отношение $\mathcal{Z}(\mathcal{C}, \mathcal{E})$ инвертируется в отношение $СЛ(\mathcal{C}, \mathcal{E})$, так как Эдип прозревает и начинает предвидеть свою судьбу и судьбу других людей. Синтез отношений $СЛ(\mathcal{E}, \mathcal{C})$ и $СЛ(\mathcal{C}, \mathcal{E})$ порождает отношение $СЛ^2(\mathcal{E}, \mathcal{E})$, которое буквально означает божественное прозрение Эдипа – уничтожение Эдипом собственной слепоты в отношении своей судьбы. Конечная ситуация характеризуется пропорцией отношений $СЛ(\mathcal{E}, \mathcal{C}) : СЛ^2(\mathcal{E}, \mathcal{E})$.

Диалектическая структура мифа имеет следующий вид:

$$СЛ(\mathcal{E}, \mathcal{C}) : \mathcal{Z}(\mathcal{C}, \mathcal{E}) \quad СЛ(\mathcal{C}, \mathcal{E}) : СЛ^2(\mathcal{E}, \mathcal{E}).$$

Формула читается: физическая слепота Эдипа в отношении своей судьбы компенсируется в результате приобретения им дара божественного зрения со значительной выго-

дой для него. Подтверждением этому служит спиралевидный характер разрешения противоречия. Как и в мифе о Тиресии он проявляется в качественной трансформации понятий «видеть» и «понимать». В начале мифа – это обычные человеческие способности, в конце мифа – божественные.

Сказка о рыбаке и рыбке (А. С. Пушкин)

Сюжет сказки. Случайно пойманная стариком золотая рыбка просит вернуть ей свободу и обещает дорогой откуп. По мнению старика, случившееся настолько выходит за рамки обычной человеческой жизни – поймана не простая, а золотая рыбка, владычица синего моря, что он отказывается от вознаграждения и отпускает рыбку в море. По-другому оценивает происшедшее старуха (жена старика). С ее точки зрения, услуга, оказанная стариком рыбке, должна быть оплачена, и она последовательно требует от рыбки в качестве откупа новое корыто, новую избу, звание дворянки, царицы и морской владычицы. Первые четыре требования старухи удовлетворяются, пятое – нет. Более того, оно не просто не выполняется, а лишает старуху всех прежних приобретений, т. е. возвращает ее к землянке и разбитому корыту.

Анализ. Основу сюжета сказки составляет возникновение, развитие и разрешение диалектического противоречия между благодарностью и щедростью того, кому оказана услуга, и корыстным использованием этих качеств тем, кто ее оказал. Субъектами противоречия являются соответственно рыбка

и старуха. Старик введен в сказку лишь для объяснения, каким образом старуха получила право на требование вознаграждения от рыбки. Рыбка приобретает в этом противоречии качество «благодарность и щедрость к тому, кто вернул свободу», а старуха – качество «неблагодарность и жадность к тому, кто получил свободу и должен за нее заплатить».

Отношение старухи к рыбке диктуется исключительно жадной наживой, власти. Обратное отношение рыбки к старухе обусловлено желанием отблагодарить за возвращенную свободу. Развитие противоречия происходит в форме роста величин образующих его противоположных качеств. Жадность и неблагодарность старухи возрастают с каждым удовлетворенным требованием. Аналогично возрастают щедрость и благодарность рыбки. Пределом количественного роста величин противоположных качеств становится требование старухи сделать ее морской владычицей, а рыбку – ее постоянной служанкой. Смысл этого требования сводится к тому, что рыбка в качестве благодарности за свое освобождение должна пожертвовать своей же свободой. Но платой за свободу не может быть сама свобода. По этой причине рыбка отказывается удовлетворить последнее требование старухи, рыбка инвертирует свое качество «благодарность и щедрость к тому, кто вернул свободу» на противоположное качество «неблагодарность и жадность к тому, кто вернул свободу». Но как только такая инверсия происходит, рыбка и старуха оказываются в симметричных отношениях жадности

и неблагодарности друг к другу. Такие отношения диалектически отрицают друг друга, а их достижение характеризует стадию разрешения диалектического противоречия.

Пусть C обозначает старуху, P – рыбку, $Ж(C, P)$ – отношение жадности и неблагодарности старухи к рыбке, $Б(P, C)$ – отношение благодарности и щедрости рыбки к старухе, $Ж(P, C)$ – отношение жадности и неблагодарности рыбки к старухе.

Начальная ситуация, т. е. возникновение и развитие противоречия, задается пропорцией отношений $Ж(C, P) : Б(P, C)$.

Конечная ситуация, т. е. разрешение противоречия, возникает в тот момент, когда отношение $Б(P, C)$ трансформируется в отношение $Ж(P, C)$. Синтез отношений $Ж(C, P)$ и $Ж(P, C)$ порождает отношение $Ж^2(C, C)$, которое представляет главный результат разрешения противоречия. $Ж^2(C, C)$ буквально означает: старуха становится жертвой своей собственной жадности. В более широком контексте этот результат означает, что всякая жадность и неблагодарность уничтожается ими же самими порожденными и на себя направленными жадностью и неблагодарностью. Следовательно, конечная ситуация задается пропорцией отношений $Ж(P, C) : Ж^2(C, C)$.

Диалектическая структура рассматриваемой сказки имеет следующий вид:

$Ж(C, P) : B(P, C) \quad Ж(P, C) : Ж^2(C, C).$

Приведенная формула читается так: ущерб, нанесенный рыбе жадностью и неблагодарностью старухи, с лихвой компенсируется ущербом, нанесенным старухой самой себе. Что подтверждается спиралевидным характером развития противоречия: жадность и неблагодарность старухи к рыбе отрицаются жадностью и неблагодарностью рыбки к старухе и синтезируются в жадности и неблагодарности старухи по отношению к самой себе. В сказке эта спираль выражена художественными средствами – как возвращение старухи в исходное состояние, к землянке и разбитому корыту, т. е. в состояние нищеты. Но эта нищета становится следствием самоуничтожения жадности и неблагодарности старухи, т. е. ее социального падения, и поэтому должна отличаться от нищеты как следствия обычной старости, с описания которой начинается сказка.

Сказка о попе и о работнике его Балде (А. С. Пушкин)

Сюжет сказки. Жадный и хитроватый поп заключает с Балдой договор: за три щелчка по лбу Балда обязуется в течение года усердно выполнять обязанности повара, конюха и плотника. Надежды попа на то, что Балда не справится со своими обязанностями, не оправдываются. По совету попады поп поручает Балде рискованное для человека задание: собрать с чертей несуществующий оброк за три года. Черти устраивают Балде испытание, из которого он выходит побе-

дителем. Выполнив поручение попа, Балда требует расплаты. Поп получает три щелчка и теряет способность здраво говорить и мыслить.

Анализ. Сюжет сказки основан на двух однотипных противоречиях, одно из которых включено в другое как условие его разрешения. Общим является противоречие между хозяином, пытающимся хитростью избавиться себя от расплаты по договору, и работником, честно выполняющим свои обязанности и желающим получить установленную договором плату. Подчиненным является противоречие между соперниками, один из которых принципиально не может вести честную борьбу. Субъекты общего противоречия – поп и Балда с противоположными качествами соответственно «хитрый хозяин» и «честный работник». Субъекты подчиненного противоречия – нечистая сила (черти) и Балда с противоположными качествами соответственно «нечестный соперник» и «честный соперник».

Общее противоречие возникает в момент заключения договора, ибо уже тогда поп надеется, что Балда не сможет добросовестно выполнять свои многочисленные и трудоемкие обязанности. Фактически выполняемый перечень последних – повар, конюх, плотник и нянька – можно рассматривать как уровни количественного роста величин противоположностей этого противоречия. Вершиной этого роста становится поручение попа собрать с чертей оброк за три года и согласие Балды выполнить его: хитрость попа и чест-

ность Балды достигают своих максимумов. Но здесь же рождается новое противоречие, которое было названо подчиненным.

Никакого оброка попу черти в действительности платить не должны. Нечистая сила также известна своей хитростью и способностями, превосходящими физические возможности человека. Но Балда как добросовестный работник не может не выполнить данное ему поручение. Поэтому он сразу инвертирует свое качество «честный соперник» на противоположное качество «нечестный соперник» и тем самым переводит противоречие между собой и нечистой силой в стадию разрешения в полном соответствии с ее привычками и особенностями. Хитрости и способности нечистой силы Балда противопоставляет хитрость и способность человека: не выиграв ни одного состязания, Балда тем не менее искусно создает видимость своих побед.

Выполненное Балдой последнее поручение делает неизбежным разрешение общего противоречия. Продемонстрированная Балдой хитрость в отношении нечистой силы автоматически распространяется и на попа как автора данного поручения. Это означает, что для Балды поп и черти стали частями одного общего функционального субъекта «хитрый хозяин». Поэтому, когда Балда противопоставляет хитрости чертей свою хитрость, он одновременно противопоставляет ее также хитрости попа. В результате поп и черти, с одной стороны, Балда – с другой, оказываются в симметричных от-

ношениях друг к другу.

Пусть Π обозначает попа, B – Балду, $X(\Pi, B)$ – хитрость попа по отношению к Балде, $Ч(B, \Pi)$ – честность Балды по отношению к попу, $X(B, \Pi)$ – хитрость Балды по отношению к попу и чертям.

Начальная ситуация задается пропорцией отношений $X(\Pi, B) : Ч(B, \Pi)$. Конечная ситуация возникает в тот момент, когда Балда, выполнив все поручения, инвертирует свое отношение к попу на обратное, т. е. на отношение $X(B, \Pi)$. Синтез отношений $X(\Pi, B)$ и $X(B, \Pi)$ порождает отношение $X^2(\Pi, \Pi)$, представляющее главный результат разрешения противоречия. Буквально $X^2(\Pi, \Pi)$ означает, что поп и его невольные помощники – черти стали жертвой собственной хитрости. В более широком контексте оно означает, что всякая хитрость уничтожается ею же самой порожденной и на себя направленной хитростью.

Диалектическая структура сказки имеет следующий вид:

$$X(\Pi, B) : Ч(B, \Pi) \quad X(B, \Pi) : X^2(\Pi, \Pi).$$

Полученная формула читается: ущерб, причиненный попом Балде, перекрывается ущербом, причиненным попом самому себе. Действительно, в начале сказки поп показан человеком, лишенным способности здраво мыслить и говорить, т. е. критически оценивать ситуацию; но в конце сказки в результате собственной недалёковидной хитрости и жадности поп лишается этой способности уже и физически.

Сказка о царе Салтане (А. С. Пушкин)

Сюжет сказки. Из трех сестер царь Салтан выбирает в жены ту, которая обещает ему родить сына-богатыря. Из зависти к сестре, ставшей царицей, две другие сестры и их мать клеветают на нее и пытаются уничтожить ее и родившегося царевича, бросив их в бочке в океан. Растущий не по дням, а по часам царевич сначала спасает себя и мать, затем заколдованную в лебедя девицу. Спасенная девица делает царевича князем большого города, помогает ему три раза тайно – в виде комара, мухи и шмеля – посетить отца Салтана, приобрести чудо-белку, чудо-богатырей и чудо-жену. Салтан, прослышав про необыкновенного князя и его чудеса, решается, наконец, посетить его. Встретившись с ним, Салтан узнает своих жену и сына. Тетки и бабка раскаиваются в своих поступках и, будучи наказаны еще ранее, отпускаются домой с миром.

Анализ. В основе сюжета лежит общее противоречие, порождаемое отношением «зависть». Его субъектами являются тетки и бабка царевича, с одной стороны, царевич и его мать – с другой. Первые приобретают противоположное качество «завистник», вторые – качество «жертва зависти».

Этапами количественного роста противоположностей общего противоречия являются попытки теток и бабки помешать воссоединению Салтана с его женой и сыном. Первая попытка заключалась в намерении физически уничтожить

царевича и царицу; вторая – в намерении воспрепятствовать отъезду Салтана рассказом о чудо–белке; третья – помешать отъезду Салтана рассказом о чудо–богатырях; четвертая и последняя – задержать Салтана рассказом о чудо–царевне. Этим попыткам царевич противопоставил деятельность, направленную на уничтожение их последствий. Сначала он спасает себя и мать, затем свою будущую жену и становится князем большого города. Потом последовательно приобретает все чудеса света, способные привлечь Салтана к встрече с сыном и женой. Таким образом, царевич восстанавливает соответствующий своему званию образ жизни и, кроме того, нейтрализует все попытки завистниц помешать воссоединению с отцом.

Каждая указанная попытка теток и бабок заставить Салтана забыть о своем сыне и их нейтрализация царевичем с матерью должны рассматриваться как возникновение и разрешение противоречия, подчиненного общему противоречию сказки. По числу попыток можно говорить о четырех подчиненных противоречиях. Все они разрешаются по одной и той же схеме: зависти теток и бабки противопоставляется зависть царевича и царицы к теткам и бабке. В результате тетки и бабка наказывают себя, приобретая тот или иной вид уродства, а царевич, кроме чудес света, добивается устранения всех препятствий к встрече с отцом.

Пусть $Ц$ обозначает царевича и его мать, T – его теток и бабку, $Z(T, Ц)$ – отношение зависти теток и бабки к царевичу

и его матери, $Ж(Ц, T)$ – отношение «царевич является вместе со своей матерью жертвой зависти теток и бабушки», $З(Ц, T)$ – отношение зависти царевича и его матери к теткам.

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $З(T, Ц) : Ж(Ц, T)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $З(Ц, T) : З^2(T, T)$. Отношение $З^2(T, T)$ появляется как синтез отношений $З(T, Ц)$ и $З(Ц, T)$ и буквально означает, что тетки и бабушка стали жертвами своей собственной зависти. В более широком контексте данный результат означает, что всякая зависть уничтожается ею же самой порожденной и на себя направленной завистью.

Диалектическая структура сказки имеет следующий вид:

$$З(T, Ц) : Ж(Ц, T) \quad З(Ц, T) : З^2(T, T).$$

Полученная формула читается: ущерб, нанесенный тетками и бабушкой царевичу и его матери, существенно меньше ущерба, нанесенного тетками и бабушкой царевича самим себе. Подтверждение следует из спиралевидного характера разрешения диалектического противоречия сказки: до его возникновения завистницы были просто нравственными уродами, после его разрешения они стали также и физическими уродами.

Сказка о мертвой царевне и семи богатырях (А. С. Пушкин)

Сюжет сказки. Царица, претендующая на звание первой красавицы, однажды узнает, что молодая царевна-падчерица

красивее ее. Воспылав черной завистью, царица принимает решение тайно погубить царевну. Первая попытка – связать и оставить ее одну в лесу – не удается: девушка остается жить и попадает под защиту семи богатырей. Вторая попытка – отравить – удается. На розыски пропавшей царевны пускается жених – королевич Елисей. С помощью различных сил природы он находит гроб своей невесты, разбивает его, и царевна оживает. Царица, узнав о воскрешении своей соперницы, умирает.

Анализ. Основу сюжета составляет противоречие между жизнью и смертью. Его субъектами являются соответственно царица-мачеха и царевна-падчерица с противоположными качествами «несущая смерть» и «жертва смерти».

Царица решает вернуть себе звание первой красавицы, убив свою соперницу. Так возникает основное противоречие сказки. Этапами его развития становятся попытки мачехи достигнуть своей цели.

Первая попытка заканчивается изгнанием царевны из отцовского дома. Тем самым цель царицы достигнута только наполовину: царевны нет, но она продолжает жить. Вторая попытка приводит к гибели царевны и полному осуществлению замысла царицы. Реляционные качества субъектов противоречия достигают максимальной величины. Но именно в этот момент королевич спасает царевну и происходит инверсия ее качества: из жертвы она превращается в несущую смерть. Такое превращение закономерно, потому что подго-

товлено всем предыдущим развитием сюжета. Царица олицетворяет ложную красоту, царевна – истинную. Жизнь ложной красоты равносильна смерти истинной красоты, и, наоборот, жизнь истинной красоты означает гибель ложной. По этой причине воскрешение царевны ставит ее и царицу в симметричные отношения.

Пусть M обозначает мачеху, P – падчерицу, $C(M, P)$ – отношение «мачеха несет смерть падчерице», $J(P, M)$ – отношение «падчерица является жертвой мачехи», $C(P, M)$ – отношение «падчерица несет смерть мачехе».

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $C(M, P) : J(P, M)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $C(P, M) : C^2(M, M)$. Отношение $C^2(M, M)$ появляется как результат композиции отношений $C(M, P)$ и $C(P, M)$. Буквально оно означает, что мачеха становится причиной собственной смерти (своим собственным убийцей). В более широком контексте оно означает, что всякая смерть уничтожается ею же порожденной и на себя направленной смертью и, в итоге, рождением новой жизни.

Диалектическая структура сказки имеет следующий вид:

$$C(M, P) : J(P, M) \quad C(P, M) : C^2(M, M).$$

Полученная формула читается: ущерб, причинённый мачехой падчерице, не идет ни в какое сравнение с ущербом, нанесенным мачехой самой себе. Это подтверждается тем, что до возникновения противоречия с реальной красотой царица была мертва только духовно, а после его разрешения

– также и физически.

Сказка о золотом петушке (А. С. Пушкин)

Сюжет сказки. Постаревшему и некогда грозному царю Дадону осмелевшие соседи мешают жить в покое. Мудрец дарит царю золотого петушка, который своим криком предупреждает о возможном направлении неприятельского нападения. Восхищенный Дадон обещает мудрецу исполнить первую же его просьбу. Однажды по поднятой петушком тревоге царю приходится посылать сначала двух своих сыновей с войском, а затем и ехать самому. Прибыв на место предполагаемого сражения, Дадон находит погибшими в междоусобной войне своих сыновей и их войско. Встречает также шамаханскую царицу, увидев которую, тут же забывает про смерть своих сыновей, и цель похода. На просьбу мудреца отдать ему царицу Дадон отвечает отказом и в перепалке убивает его. При въезде в город петушок клюет царя в темя, и тот умирает. Шамаханская царица бесследно исчезает.

Анализ. Сюжет сказки основан на противоречии между верностью и предательством. Его субъектами являются петушок и царь Дадон с противоположными качествами «жертва предательства» и «предатель». Петушок олицетворяет военную и житейскую верность долгу и слову, Дадон – вероломство и предательство.

Противоречие возникает в тот момент, когда царь просит о помощи в защите от внешних врагов и получает ее

от мудреца в виде золотого петушка. В эпизоде с шамаханской царицей противоположные качества Дадона и петушка достигают максимальной степени различия. Царь полностью забывает об убитых сыновьях, пирует с царицей, везет ее в столицу. Между тем предупреждения петушка о гибельном характере встречи Дадона с царицей были самыми тревожными. Убийство мудреца Дадонем становится последним актом предательства, после которого качества героев инвертируются. Петушок меняет свое качество «жертва предательства» на противоположное качество «предатель». Поставленный когда-то на защиту Дадона и его царства от врагов, петушок после убийства своего хозяина превращается в злейшего врага царя. Дадон и петушок оказываются в симметричных отношениях относительно друг друга.

Пусть D обозначает царя Дадона, P – золотого петушка, $PP(D, P)$ – отношение «Дадон предает петушка», $Ж(P, D)$ – отношение «петушок – жертва предательства Дадона», $PP(P, D)$ – отношение «петушок предает Дадона».

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $PP(D, P) : Ж(P, D)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $PP(P, D) : PP^2(D, D)$. Отношение $PP^2(D, D)$ является как результат композиции отношений $PP(D, P)$ и $PP(P, D)$ и буквально означает, что Дадон становится причиной предательства самого себя. В более широком контексте это означает, что всякое предательство уничтожается им же самим порожденным и на себя направленным предатель-

СТВОМ.

Диалектическая структура сказки имеет следующий вид:

$PR(D, П) : Ж(П, Д) PR(П, Д) : PR^2 (Д, Д)$.

Полученная формула читается: ущерб, причиненный предательством Дадона петушку, значительно меньше ущерба, нанесенного предательством царем Дадона самому себе. Это подтверждается ростом интенсивности предательства: сказка начинается с предательства Дадоном посторонних для него людей (соседей), переходит на близких и доверенных ему лиц (сыновей, мудреца) и заканчивается предательством самого себя и соответствующей расплатой – личной гибелью.

Стрекоза и муравей (*Басня И. А. Крылова*)

Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела;

Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза.

Помертвело чисто поле;

Нет уж дней тех светлых боле,

Как под каждым ей листком

Был готов и стол и дом.

Всё прошло с зимой холодной.

Нужда, голод настаёт;

Стрекоза уж не поёт:

И кому же в ум пойдёт

На желудок петь голодный!

Злой тоской удручена,

К Муравью ползёт она:

«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —

«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.

«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —

«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Анализ. Распространенная школьная интерпретация данной басни как назидательного поучения о легкомысленности ветреной Стрекозы и трудолюбии хозяйственного Муравья верна лишь отчасти. И совсем неверны версии, основанные на моральном осуждении Муравья за якобы проявленную излишнюю жестокость (будто бы именно он обрек несчастную Стрекозу на голодную смерть). На самом деле басня имеет более глубокий смысл, связанный с проблемой выживания в условиях постоянной смены климатических сезонов. Все живое, чтобы выжить, вынуждено подчиняться

ритмам и законам природы. В Северном полушарии зима – это время резкого торможения растительной и вслед за ней животной активности. Пережить этот период способны только те организмы, которые смогли летом заготовить достаточные запасы для длительной зимовки (спячки). Никто не может нарушить эту природную необходимость без опасности для своей жизни.

Рассматриваемая басня основана на диалектическом противоречии между пренебрежением и подчинением природным законам выживания живых существ в условиях смены сезонов. И. А. Крылов отмечает, что оба героя басни являются кумовьями, т.е. буквально крестными родителями природы. Но при этом Стрекоза олицетворяет легкомысленного нарушителя законов природы, Муравей – их твердого блюстителя. Противоречие возникает тогда, когда Стрекоза, игнорируя неизбежные зимние тяготы, все лето напропащую веселится и разрешается, когда она реально сталкивается с зимой, холодом и голодом, а Муравей как настоящий крестный отец природы выносит Стрекозе суровый приговор. Оба героя басни оказываются в симметричных отношениях: Стрекоза все лето игнорировала наставления Муравья, зимой уже Муравей игнорирует просьбу Стрекозы о помощи (никто не может чудесным образом превратить зиму в лето со всеми его атрибутами)³⁵.

---

³⁵ Здесь наглядно видно принципиальное отличие басни от мифа или сказки. Басня – моральное поучение, изложенное письменно или устно и лишенное чу-

Пусть C обозначает Стрекозу, M – Муравья, $I(C, M)$ – отношение «Стрекоза игнорирует Муравья», $J(M, C)$ – отношение «Муравей жертва игнорирования Стрекозы», $I(M, C)$ – отношение «Муравей игнорирует Стрекозу».

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $I(C, M) : J(M, C)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $I(M, C) : I^2(C, C)$. Отношение $I^2(C, C)$ является как результат композиции отношений $I(C, M)$ и $I(M, C)$ и буквально означает, что Стрекоза благодаря собственным действиям сама себе выносит суровый приговор. В более широком контексте это означает, что тот, кто пренебрегает общими для всех природными законами выживания, становится жертвой им же самим порожденным и на себя направленным игнорированием законов его собственного выживания.

Диалектическая структура басни имеет следующий вид:

$$I(C, M) : J(M, C) \quad I(M, C) : I^2(C, C).$$

Полученная формула читается: ущерб, причиненный Муравью Стрекозой, ни в какое сравнение не идет с ущербом, нанесенным Стрекозой самой себе. И действительно, никто не смог нанести большего вреда Стрекозе, чем она сама. Это подтверждается спиралевидным характером разрешения противоречия: слепое пренебрежение к надвигающейся смене сезона привело Стрекозу к трагическому пренебрежению к самой себе.

десных трансформаций героев, обязательных для мифа или сказки.

Лиса и виноград (*Басня И. А. Крылова*)

Голодная кума Лиса залезла в сад;

В нем винограду кисти рделись.

У кумушки глаза и зубы разгорелись;

А кисти сочные, как яхонты, горят;

Лишь то беда, висят они высоко:

Отколь и как она к ним ни зайдет,

Хоть видит око,

Да зуб неймет.

Пробившись попусту час целый,

Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!

На взгляд-то он хорош,

Да зелен – ягодки нет зрелой:

Тотчас оскомину набьешь».

Анализ. Хотя на первый взгляд и кажется, что в данной басне, восходящей к Эзопу, всего лишь одна героиня – Лиса, однако это неверно. Если расшифровать метонимию басни, легко догадаться, что за виноградом скрывается умелый хозяин сада, который предвидя возможное воровство, поднял кисти винограда на недостижимую для воришек высоту. Таким образом, в басне два героя – Лиса и Виноград (хозяин сада).

Герои басни действуют в прямо противоположных направлениях – Лиса стремится максимизировать ущерб хозяина сада, последний – его минимизировать. Противосто-

ание обоих героев составляет содержание диалектического противоречия, символизируемого данной басней. Противоречие возникает тогда, когда Лиса проникает в чужой сад, чтобы утолить свой голод, и разрешается тогда, когда выясняется, что несмотря на все усилия она так и не смогла полакомиться виноградом. Результатом разрешения противоречия стал сильнейший когнитивный диссонанс, для преодоления которого (восстановления упавшей самооценки) Лиса была вынуждена вступить в противоречие со своими же наблюдениями и обвинить виноград в незрелости.

Пусть L обозначает Лису, B – Виноград, $U(L, B)$ – отношение «Лиса причиняет ущерб Винограду», $J(B, L)$ – отношение «Виноград жертва Лисы», $U(B, L)$ – отношение «Виноград причиняет ущерб Лисе».

Начальная ситуация характеризуется пропорцией отношений $U(L, B) : J(B, L)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $U(B, L) : U^2(L, L)$. Отношение $U^2(L, L)$ появляется как результат композиции отношений $U(L, B)$ и $U(B, L)$ и буквально означает, что Лиса своими собственными действиями причинила себе больший вред, чем нанесла ущерб Винограду. В более широком контексте это означает, что тот, кто некритически относится к себе и не учится на собственных ошибках, становится жертвой им же самим порожденным и на себя направленным невежеством.

Диалектическая структура басни имеет следующий вид:

$$U(L, B) : J(B, L) \quad U(B, L) : U^2(L, L).$$

Полученная формула читается: ущерб, причиненный Винограду Лисой, значительно меньше (практически равен нулю) ущерба, нанесенного Лисой самой себе. Действительно, Лиса в результате непродуманных действий так и не смогла добраться до ягод винограда, осталась голодной и к тому же испытала сильнейший когнитивный диссонанс.

Ворона и лисица *(Басня И. А. Крылова)*

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,-
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,-
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Анализ. И, А, Крылов сам обозначил инструмент, с помощью которого Лиса отыскала в сердце Вороны «уголок» – лесть. Диалектическое противоречие между героями басни возникает в тот момент, когда Лиса решает отобрать сыр у Вороны. Первая противоположность – (пищевая) зависимость Лисы от Вороны, вторая – (пищевая) независимость Вороны от Лисы. Так как Лиса по условию басни не может физически отобрать сыр у Вороны, ей остается по-умному применить лесть. Лесть удалась. Противоречие разрешилось: Ворона из независимого контрагента превратилась в зависимого и тут же без всякой критической самооценки своих действий отдала сыр Лисе.

Пусть L обозначает Лису, B – Ворону, $Z(L, B)$ – отношение «Лиса зависит от Вороны», $Ж(B, L)$ – отношение «Ворона жертва Лисы», $HЗ(B, L)$ – отношение «Ворона не зависит от Лисы», $Z^2(L, L)$ – отношение «Лиса зависит только от самой себя, т.е. от способности использовать свой ум и хитрость».

Начальная ситуация басни характеризуется пропорцией отношений $Z(L, B): HZ(B, L)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $Z(B, L) : Z^2(L, L)$. Отношение $Z^2(L, L)$ появляется как результат композиции отношений $Z(L, B)$ и $Z(B, L)$ и буквально означает, что Лиса своей лестью добилась для себя большей выгоды, чем Ворона получила от льстивых восхвалений Лисы. В более широком контексте это означает, что тот, кто зависим от лести и не способен распознать ее пагубных последствий, всегда остается в проигрыше в сравнении со своим льстецом.

Диалектическая структура басни имеет следующий вид:

$Z(L, B): HZ(B, L) \quad Z(B, L) : Z^2(L, L)$.

Полученная формула читается: выгода, полученная Вороной от лести Лисы, значительно меньше выгоды, полученной Лисой. Спиралевидный характер развития сюжета басни очевиден: в начале басни Лиса без сыра, в конце басни она с сыром.

Толстый и тонкий (Рассказ А.П. Чехова)

Сюжет. Два старых приятеля детства – тонкий (Порфирий) и толстый (Миша) через много лет после окончания гимназии случайно встретились на вокзале Николаевской железной дороги. Начало встречи было волнительным и со слезами на глазах. Вскоре выяснилось, что тонкий дослужился до коллежского асессора (чиновника 8-го класса), толстый – до тайного советника (чиновника 3-го класса). Разрыв

в табели о рангах так подействовал на тонкого, что его риторика после полученного известия из дружеской мгновенно изменилась на подобострастно-угодническую. Толстому стало так противно от произошедшей метаморфозы, что его стошнило и он поспешно распрощался со своим приятелем.

Анализ. Абсурдность проявления чиновничьего подобострастия в разнообразных житейских ситуациях, основанных на неформальных отношениях – любимая тема многих рассказов А. П. Чехова. Диалектическое противоречие между героями рассказа возникает в тот момент, когда тонкий узнает, что его школьный приятель занимает в табели о рангах значительно более высокое положение, чем его собственное, и резко меняет свое дружеское расположение на угодническое. Первой противоположностью выступает дружеское отношение толстого к тонкому, второй – угоднически-заискивающее отношение тонкого к толстому. Противоречие разрешается тогда, когда попытки толстого восстановить нарушенное равновесие былых дружеских отношений не увенчались успехом и он был вынужден быстро покинуть своего приятеля. Фактически это означает, что толстый был вынужден с отвращением, но согласиться с навязанным ему стилем общения, что и стало причиной их быстрого расставания. «Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку. Тон-

кий пожал три пальца...» Оба приятеля оказались субъектами симметричных отношений, хотя и с противоположными оценками их значимости для самих себя (толстого стошнило, тонкий испытал благоговение), а их школьная дружба навсегда канула в Лету.

Пусть P обозначает Порфирия (тонкого), M – Мишу (толстого), $Z(P, M)$ – отношение «Порфирий заискивает перед Мишей», $D(M, P)$ – отношение «Миша дружески относится к Порфирию», $Z(M, P)$ – отношение «Миша заискивает перед Порфирием», $Z^2(P, P)$ – отношение «Порфирий по своей воле становится жертвой своего заискивания».

Начальная ситуация рассказа характеризуется пропорцией отношений $Z(P, M) : D(M, P)$, конечная ситуация – пропорцией отношений $Z(M, P) : Z^2(P, P)$. Отношение $Z^2(P, P)$ появляется как результат композиции отношений $Z(P, M)$ и $Z(M, P)$ и буквально означает, что Порфирий своим заискиванием нанес себе значительно больший ущерб, чем Миша испытал от потери дружбы со школьным товарищем. В более широком контексте это означает, что тот, кто заискивает и угодничает, не может рассчитывать на настоящую дружбу.

Диалектическая структура рассказа имеет следующий вид:

$$Z(P, M) : D(M, P) \quad Z(M, P) : Z^2(P, P).$$

Полученная формула читается: ущерб, причиненный Порфирием своему другу Мише, значительно превышает

ущерб, причиненный Мишей Порфирию. Спиралевидный характер развития рассказа очевиден: в начале рассказа школьные товарищи проявляют искренние дружеские чувства, в конце рассказа от их дружбы не остается и следа.

Заключение

Длительные споры о сущности мифа и сказки привели к трем основным решениям, которые явным образом символизируют наличие в этой области анализа устойчивого диалектического тренда. Первое, самое распространенное, характеризует данные нарративы как нечто противоположное «логике здравого смысла», т.е. как область чудесного и воображаемого, в которой не существует никаких запретов и все возможно. Любой, кто принимает такое решение, рано или поздно сталкивается с необходимостью объяснения, почему мифы и сказки разных народов и созданные в разные исторические эпохи, тем не менее однотипны. Чтобы вразумительно ответить на этот вопрос, необходима некоторая концепция «логики чудесного». Но принцип «все возможно», положенный в основу данного решения, исключает всякое обращение к логике, запрещающей данный принцип. Получается, что все авторы, отстаивающее подобное решение, занимают противоречивую позицию. С одной стороны, они противопоставляют мифы и сказки логике, но с другой стороны, без обращения к логике не могут объяснить их однотипность.

Второе решение, развитое В. Я. Проппом для анализа волшебных сказок, основано на предположении, что все сказки подчиняются одной и той же последовательности функций, каждый член которой и она сама не зависят от того, кто именно является их субъектом и какими личными мотивами он руководствуется в своих действиях. «Морфология волшебной сказки» В. Я. Проппа обозначила существенный прорыв в анализе сказок и мифов. После этой работы стало совершенно очевидно, что мифы и сказки основаны на объективной логике, не вступающей в конфликт с «логикой здравого смысла». Не вина В. Я. Проппа, что выбранный им путь морфологического анализа позволил решить только часть поставленной задачи и не все функции, входящие в его знаменитую формулу волшебной сказки, оказались необходимыми. Самым большим ограничением формулы В. Я. Проппа следует считать, что она не выражает закона сказки в научном понимании – как инварианта, все элементы которого необходимы для символизации нарратива с любым сюжетом.

Третье решение связано с именем К. Леви-Строса и его самых талантливых последователей – П. Маранды и Кёнгас-Маранды. Значительно позднее В. Я. Проппа и независимо от него К. Леви-Строс предложил рассматривать миф как набор вставленных друг в друга структур преобразований, приблизительно соответствующих группе четырех Клейна. Эта группа интересна своими симметриями. Основное пред-

положение К. Леви-Строса состояло в том, что любой миф развивается от некоторого неуравновешенного (начального) состояния к более уравновешенному (конечному) состоянию. Этот процесс имеет вид раскручивающейся спирали, но без финальной стадии завершения, и совершается как переход субъектов мифа от примирения оппозиций одной структуры к примирению оппозиций более общей структуры. Последователи К. Леви-Строса (П. Маранда и Кёнгас-Маранда) попытались придать его предположению конструктивный характер. Они отказались считать миф набором вложенных друг в друга структур, не имеющих своего завершения, и сосредоточились на выяснении отношений между двумя его главными структурами – начальной и конечной. Они были очень близки к открытию всех необходимых отношений между субъектами мифа и установлению между ними нужных симметрий, но не завершили этой работы.

Логическим завершением диалектического тренда в анализе мифов, сказок и иных нарративов служит формула (5). Эта формула основана на той концепции диалектического противоречия, которая развита в первой главе настоящей книги. В диалектической формуле мифа и сказки нет избыточных, повторяющихся или находящихся в отношении обобщения функций. Каждое из преобразований, которое она символизирует, необходимо. Все вместе они достаточны для формализации возникновения диалектического проти-

воречия, его разрешения и вычисления конечного результата. Формула (5) не зависит от вида и конкретных особенностей нарратива. Мифы, сказки, басни, художественные рассказы – все эти разновидности рассказа о чудесном или о реальном без какого-либо исключения подчиняются формуле (5). Данный результат позволяет объяснить утверждение В. Я. Проппа об однотипности всех волшебных сказок и дать ответ на похожий вопрос К. Леви-Строса о том, почему вопреки случайному характеру содержания всех мифов они все похожи друг на друга следующим образом. Все мифы, сказки, басни и рассказы однотипны, потому что возникновение и разрешение диалектического противоречия – это их общий закон. Как и всякий закон, он не обязан совпадать с грамматической и риторической структурой нарратива. Его задача в другом – связать необходимым образом начало и конец рассказа, продемонстрировать, что асимметрия – причина и начало всех процессов предстоящих изменений, а симметрия – пусть и относительное, но их завершение.